ВЛ. СОЛОВЬЕВ И ШЕЛЛИНГ

А. В. Гулыга

Владимир Соловьев — последний русский шеллингианец. Такое утверждение может показаться слишком категорическим и вызвать возражения. Готов их выслушать, а пока приведу аргументы в пользу высказанного тезиса.

Когда Соловьев защищал докторскую диссертацию («Критика отвлеченных начал»), один из официальных оппонентов заметил, что соискатель отстаивает воззрения, близкие Шеллингу. Отвечая оппоненту, Соловьев провел различие между «умозрительным пантеизмом» раннего Шеллинга и «теософическими построениями второй Шеллинговой системы (так называемой положительной философии); докторант признал сродство своих взглядов только с этой последней системой Шеллинга» [1]. Цитата заимствована из отчета о защите, составленного самим диссертантом.

Противник Соловьева неизменный и бескомпромиссный — Гегель. У позднего Шеллинга заимствует Соловьев свои аргументы против Гегеля. Гегелевская философия доводит до абсурда абстрактный рационализм, панлогизм. По Гегелю, отмечает Соловьев, нет ничего непосредственно существующего, все есть «бываемость понятия». Соловьев же считает, что «*понятие не есть все*, иначе: понятие как *такое* не есть еще сама действительность (как *только* понятие, оно имеет действительность лишь насколько я его мыслю, т. е. только в моей голове...)» [2].

Сопоставим мысль Соловьева с соответствующим высказыванием Шеллинга: «Понятия как таковые существуют только в сознании; объективно рассмотренные, они не предшествуют природе, а следуют за ней. Гегель лишил их естественного места, поставив их в начале философии» [3]. Соловьев был знаком с «Историей новейшей философии» Шеллинга, откуда взята цитата: он ссылается на эту работу.

По Соловьеву (как и по Шеллингу), истинная наука предполагает широкий эмпирический базис. «Не отрицая этого в принципе, Гегель на деле вовсе не считался с возможностью будущих открытий в науке и новых явлений в историческом процессе. Провиденциальное предостережение, которое он получил относительно этого, мало на него подействовало. Его философия истории еще более, чем философия природы, представляет собой сильнейшую самокритику гегельянства с этой стороны. Нельзя было, конечно, требовать, чтобы Гегель (хотя и претендовавший

---

[1] *Соловьев В. С.* Письма. СПб., 1909. Т. 2. С. 100. Л. Мюллер в своей содержательной работе «Соловьев и протестантизм» посвятил главу проблеме «Шеллинг и Соловьев», где привел многочисленные примеры текстовых параллелей у двух мыслителей. См.: *Müller L.* Solovjev und Protestantismus. Freiburg, 1951. S. 93—125.

[2] *Соловьев В. С.* Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1911. Т. 1. С. 62.

[3] *Schelling F. W. J.* Sämtliche Werke. Stuttgart, 1861. Bd. 10. S. 140.

на «абсолютное» знание) предсказывал будущие исторические события, как только в шутку можно было от него требовать, чтобы он априори знал, сколько градусов показывает термометр в данный день. Но можно было по праву ожидать, что Гегелева философия истории оставит место для будущего, особенно для будущего таких явлений, важность которых уже обозначилась при жизни философа... В философии истории Гегеля не оставлено никакого места ни для социализма, ни для национальных движений нынешнего века, ни для России и славянства как исторической силы. По Гегелю, история окончательно замыкается на установлении бюргерско-бюрократических порядков в Пруссии Фридриха-Вильгельма III, обеспечивающих содержание философа, а через то реализацию содержания абсолютной философии» [4]. Сказано остроумно и зло. Только до этого нечто подобное о гегелевском учении уже говорил Шеллинг: «Эта философия заканчивается обожествлением государства» [5].

Как и Шеллинг, Соловьев называет свое учение философией «всеединства». И видит в ней начало нового типа философствования. С требованием «самобытной, не зависящей от понятий действительности кончается век чисто логической или априорной философии, кладется начало философии положительной» [6]. Здесь (в работе «Кризис западной философии») речь, правда, идет о «положительной» философии кантовского типа, но в дальнейшем Соловьев приходит к вполне шеллинговскому пониманию «положительности». По Шеллингу, положительная философия фиксирует то́, что создается актом воли, утверждающей идеал. «Все системы, которые объясняют все чисто логической связью и которым не хватает положительного действия, следует назвать негативными, а положительной я назову систему, объясняющую личность, волю, поступок» [7].

Шеллингу принадлежит различение между сущим и бытием, на чем настаивает и Соловьев. Сущее не может определяться как бытие, потому что бытие — только предикат. Сущее представляет собой субъект как внутреннее начало всякого бытия, это абсолют, бог. «Сущее не есть бытие, но ему принадлежит всякое бытие в том смысле, как мы должны сказать, например, что человек (мыслящий) не есть мышление, но ему принадлежит мышление. Как мыслящий не тождествен с мышлением, но имеет мышление, так и сущее не тождественно с бытием, но имеет бытие или обладает бытием. Обладать чем-либо — значит иметь над ним силу,

---

[4] *Соловьев В. С.* Собр. соч. 1912. Т. 10. С. 319. Говоря о «провиденциальном предостережении», Соловьев имеет в виду габилитационную работу Гегеля, где, вопреки уже открытому факту, утверждалось, что между Марсом и Юпитером не может быть небесных тел.

[5] *Schelling F. W. J.* Grundlegung der positiven Philosophie. Torino, 1972. S. 235.

[6] *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 1. С. 62.

[7] *Schelling F. W. J.* Grundlegung der positiven Philosophie. S. 83.

так что сущее должно определяться как сила или мощь бытия, как его положительная возможность» [8].

Противоположность бытия — ничто, небытие, величина отрицательная. А что представляет собой противоположность сущего? Соловьев вводит понятие «положительное отрицание». Противоположность сущего — ничто как положительная величина, т. е. наполненное содержанием другое. А самоотрицание в этом случае становится самоутверждением. Так Соловьев приходит к пониманию «смысла любви».

«Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение. Отсутствие самоотрицания или любви, то есть эгоизм, не есть действительное самоутверждение существа,— это есть только бесплодное, неудовлетворимое стремление или усиление к самоутверждению, вследствие чего эгоизм и есть источник всех страданий; действительное же самоутверждение достигается только в самоотрицании, так что оба эти определения суть необходимо противоположные себя самих. Итак, когда мы говорим, что абсолютное первоначало, по самому опредению своему, есть единство себя и своего отрицания, то мы повторяем только в более отвлеченной форме слово великого апостола: Бог есть любовь» [9].

Бог есть любовь. Соловьев исследует обе стороны этого равенства. Он пишет о боге и о любви. В данном контексте для нас важно второе. В статье для энциклопедии Соловьев определяет любовь как «влечение одушевленного существа к другому для соединения с ним и взаимного восполнения жизни» [10]. Из обоюдности отношений он выводит три вида любви. Во-первых, любовь, которая больше дает, нежели получает, или нисходящая любовь. Во-вторых, любовь, которая больше получает, нежели дает, или восходящая любовь. В-третьих, когда то и другое уравновешено.

В первом случае — это родительская любовь, она основана на жалости и сострадании, включает в себя заботу сильных о слабых, старших о младших; перерастая родственные отношения, она создает отечество. Второй случай — любовь детей к родителям, она покоится на чувстве благодарности и благоговения; за пределами семьи она рождает представление о духовных ценностях, о Боге и религии. Полнота жизненной взаимности достигается в половой любви; жалость и благоговение в соединении с чувством стыда создают эмоциональную основу этого третьего вида любви.

По словам Соловьева, половая любовь создает «расцвет индивидуальной жизни». Как ни парадоксально, но эгоизм несет гибель личностному началу. По видимости утверждая свою персону, эгоист на самом деле губит ее, выдвигая на первый план животное или житейское начало в ущерб духовному. Подлинное

[8] *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 2. С. 306.
[9] Там же. С. 310.
[10] Там же. Т. 10. С. 236.

самоутверждение человека как одухотворенного существа состоит в преодолении эгоизма, в том, чтобы утвердить себя в другом. «Тогда только эгоизм будет подорван или упразднен не в принципе только, а во всей своей конкретной действительности. Только при этом, так сказать, химическом соединении двух существ, однородных и равнозначительных, но *всесторонне* различных по форме, возможно (как в порядке природном, так и в порядке духовном) создание нового человека» [11].

Итак, смысл любви — создание нового человека. Это следует понимать и в переносном смысле — как рождение нового духовного облика у человека, и в прямом. Простите, вправе перебить читатель, но Соловьев недвусмысленно начал свою работу «Смысл любви» с утверждения того, что размножение не является смыслом любви. Здесь необходимы уточнения.

Один из первых читателей «Смысла любви» — Н. Я. Грот обратил внимание автора на несуразность выдвинутого им тезиса, и автор вынужден был согласиться. «Согласен juxta modum с тем, что ты, Грот, возражаешь насчет размножения. Дело в том, что я употребил это слово, чтобы избежать термина (coitus), принятого в медицинской и зоологической, но не философской литературе. Размножение же в точном смысле, т. е. деторождение, по справедливому твоему замечанию, не есть грех, а, по моему справедливому дополнению, есть даже искупление греха» [12].

«Дополнение», т. е. разъяснение своей позиции, Соловьев сделал в работе «Оправдание добра», работать над которой он начал вскоре после завершения «Смысла любви». Здесь Соловьев пишет: «Нравственно-дурное (плотский грех) следует видеть, конечно, не в физическом факте деторождения (и зачатия), который, напротив, есть некоторое искупление греха,— а только в безмерном и слепом влечении (похоть плоти, concupis cençia) к внешнему, животно-материальному соединению с другим лицом (на деле или в воображении), которое ставится как цель само для себя, как независимый предмет наслаждения» [13].

Соловьев выступает против любой «робинзонады» любви. Любящая пара живет не на необитаемом острове, а среди людей, среди таких же любящих пар. Преодоление эгоизма не может ограничиться тем, что ты перенес свою исключительность на объект любви, считаешь центром вселенной не только себя, но и своего партнера. «Из того, что самое глубокое и интенсивное проявление любви выражается во взаимоотношении двух восполняющих друг друга существ, никак не следует, что это взаимоотношение могло отделять и обособлять себя от всего прочего как нечто самодовлеющее, напротив, такое обособление есть гибель любви» [14].

---

[11] Там же. Т. 7. С. 19.
[12] *Соловьев В. С.* Письма. СПб., 1909. Т. 3. С. 211.
[13] *Соловьев В. С.* Собр. соч. 1910. Т. 8. С. 78.
[14] Там же. 1909. Т. 7. С. 50.

Соловьевская философия любви ведет свое происхождение от Шеллинга. Об этом, в частности, свидетельствует публикуемая ниже неизвестная ранее работа Соловьева о Шеллинге. Внимание Соловьева в данном фрагменте привлечено к работам «среднего» Шеллинга, еще не создавшего своей «положительной» философии, но устремившегося к ней после того, как он перешел от проблем философии природы к проблемам философии духа. Это прежде всего так называемые «Штуттгартские беседы» — цикл лекций, прочитанных Шеллингом в узком кругу в 1810 г. после кончины его первой жены, а также относящийся к 1813 г. обмен письмами с Эшенмайером по поводу трактата Шеллинга «Философские исследования о сущности человеческой свободы».

В недавно опубликованном тексте «Штуттгартских бесед» приведен конспект самого Шеллинга, запись одного из слушателей, выверенная самим Шеллингом, и письма Шеллинга к этому слушателю, где он поясняет свои мысли. Вот характерный отрывок, уточняющий взгляды философа: «Я отличаюсь а) от Декарта тем, что не утверждаю абсолютного дуализма, исключающего тождество, б) от Спинозы тем, что не утверждаю абсолютного тождества, исключающего всякий дуализм; в) от Лейбница тем, что идеальное и реальное (А и Б) не растворяю в одном идеальном (А), но утверждаю реальную противоположность обоих принципов при их единстве; г) от собственно материалистов тем, что духовное и идеальное не растворяю целиком в реальном (Б)... д) от Канта и Фихте тем, что не полагаю идеальное только субъективно (в Я), напротив, идеальному противопоставляю нечто реальное — два принципа, абсолютным тождеством которых является бог» [15].

Из тождества реального и идеального, эгоизма и любви возникает мир в результате преобладания любви и преодоления эгоизма. Любовь есть преодоление эгоизма. Этот тезис Шеллинга из «Штуттгартских бесед», отнесенных к богу, Соловьев переносит на человека. Отталкиваясь от него, он строит свою высокоморальную концепцию взаимосвязи людей в браке.

У Шеллинга Соловьев ищет ответа на вопрос о природе и судьбах зла. Зло разрушительно, оно противостоит творчеству и любви. Зло порождается преобладанием реального над идеальным. Но как оправдать бога за существование зла? Зло — не от бога, а от его «отрицательного» основания (Ungrund), включающего в себя реальный принцип, зло — порождение человеческой свободы. Вместе с тем это «пожирающая ярость», которая держится лишь своим еще не полностью проведенным отличием от добра. Когда зло окончательно отделится от добра, оно погибнет, идеальное восторжествует над реальным. Шеллинг представлял себе конец истории как торжество любви и достижение мировой гармонии; у Соловьева та же мысль окрасится в апокалиптические

---

[15] *Schelling F. W. J.* Stuttgarter Privatvorlesungen. Torino, 1973. S. 221.

тона. Однако близость двух мыслителей очевидна. Публикуемый текст — лишнее тому свидетельство.

Рукопись хранится в ЦГАЛИ (Ф.446. Оп. 2. Ед.хр. 10). Обнаружена и подготовлена к печати Н. А. Корминым. Заголовок у рукописи отсутствует. Датировки рукопись не имеет. В угловые скобки заключены слова и буквосочетания, отсутствующие в тексте рукописи, но необходимые для правильной передачи смысла. В квадратные скобки заключены слова и буквосочетания, неразборчиво написанные в тексте. Знаки препинания расставлены в соответствии с современной пунктуацией.

Выражаем благодарность Н. Б. Пилюгиной за помощь в расшифровке рукописи.

ВЛ. СОЛОВЬЕВ
‹СВОБОДА И ЗЛО В ФИЛОСОФИИ ШЕЛЛИНГА›

Статья «Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit», вышедшая в 1809 г., была последней из крупных статей его ‹Шеллинга›, напечатанных при его жизни. В ней система Шеллинга достигает окончательного развития, и в ней она вся изложена в короткой и ясной форме. Все, что он писал после того (появившееся в печати после его смерти), является или пояснением идей, развитых в этой статье, или более детальной разработкой их и по достоинству стоит ниже ее, что сознавал, вероятно, и сам Шеллинг, не решившийся ничего напечатать. Но, не представляя шага вперед, эти статьи служат все же значительным подспорьем для понимания ее, как, например, лекции, читанные Шеллингом в Штуттгарте в 1810 г. в небольшом кругу знакомых и почитателей. Затем непосредственно связан с этой статьей ответ Шеллинга на письмо Эшенмайера. В этом ответе мы находим отдельные названия для различных потенций Божества. В статье «Über die Freiheit» дается одно название «Бог», здесь же Шеллинг Богом называет божество как субъект существования, существо же, заключающее в себе основание и субъект, он называет Абсолютом. Здесь же он дает более точное понятие основания. Полнее это понятие развито в статье «Die Weltalter», которую Шеллинг все собирался напечатать и которая даже была объявлена в ярмарочном каталоге, но, уже набранная, была взята Шеллингом обратно. Истинное назначение науки есть история развития живого, действительного существа. Высшая наука имеет своим предметом старейшее высшее существо — Бога. История развития живого Бога или его самооткровения разделяется на три периода, эти периоды, или зоны, века (Weltalter) суть: прошлое, настоящее и будущее. В большей части статьи «Die Weltalter» Шеллинг рассказывает прошедшее бога, ибо только оно известно, а только известное